

Андрей Берг

Глазами мула. Часть I

Андрей Берг
Глазами мула. Часть I

«Автор»

2026

Берг А.

Глазами мула. Часть I / А. Берг — «Автор», 2026

Рим, 58 год до н.э. Проживите первые годы Галльской войны вместе с простым легионером Тиберием Лицинием. От учебного поля в Аквилее до битвы на Сабисе, от первого убийства до первой команды — путь человека, который должен доказать, что он чего-то стоит. Не Риму. Себе. Исторический роман о Галльской войне глазами рядового солдата.

© Берг А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Берг

Глазами мула. Часть I

Глава 1

Вонь пота и навоза въелась в мои ноздри, пропитывая всё вокруг. Здесь, на учебном поле близ Аквилеи, эта смесь стала обыденностью, запахом моей новой жизни. Жизни легионера.

Я стою в строю, в одном ряду с товарищами по контурберию. Тит Лукреций, наш декан, возвышается над нами, словно дуб над кустами орешника. Его лицо, обветренное и изрезанное морщинами, выражает невозмутимое спокойствие. Я в четвёртой шеренге — не лучший и не худший, один из тысяч других, таких же ищущих новой жизни в армии.

Опцион Гней Корнелий Фронтон вышагивает перед нами, словно павлин. Его доспехи начищены до блеска, а гребень шлема колыхается в такт его движениям. Голос у него зычный, каждое слово бьёт, словно раскат грома.

— Центурия, смирно!

Мы синхронно вытягиваемся, поднимая щиты.

Фронтон окидывает нас взглядом, полным презрения. Кажется, он видит насквозь, знает о моих сомнениях, о страхе, что сковывает меня. Я знаю, что он мечтает о месте центуриона, о быстрой карьере, и я уверен, что он готов на всё, чтобы получить его. Даже на то, чтобы утопить нас в крови, лишь бы показать себя. Он обходит строй и делает замечания, зная каждого из нас по имени.

— Лициний! Что у тебя за вид? Ты на похороны собрался? Подтянись! Ты — легионер Рима, а не сопливый мальчишка!

Я вздрагиваю и выпрямляюсь ещё больше. Кровь приливает к щекам. Стараюсь не смотреть ему в глаза. Лучше не привлекать к себе его внимание. С тех пор как меня, выходца из всаднического сословия — пусть и разорившегося, но обученного грамоте, — определили писарем к центуриону, Фронтон с меня глаз не сводит. Свалил на меня всю свою рутину по учёту имущества и теперь только и ждёт оплошности.

Наш центурион Луций Целий стоит в стороне, наблюдая за нами. Он один из немногих ветеранов в легионе, его грудь украшают два серебряных фалера на кожаных ремнях — награды за проявленную доблесть. Его лицо скрыто под шлемом с гребнем из конского волоса, но я чувствую его взгляд, будто тяжёлую ладонь на плече. Он не кричит, как Фронтон, но его молчание пугает меня ещё больше. Я знаю: он оценивает каждого из нас, взвешивает наши шансы на выживание. Его задачей было сделать из нас солдат, ведь он будет стоять с нами плечом к плечу в первой шеренге, лицом к лицу с врагом. В своём шлеме, выдающем в нём командира, он будет целью номер один, так что, если мы дерьмо, как любит он приговаривать, долго он не проживёт, а мы последуем за ним. Мы этого не хотим, а уж он тем более. Так что, надеюсь, муштра не прошла даром.

Солнце припекает нещадно. Пот заливает глаза, щиплет кожу, во рту привкус железа. Но я не смею пошевелиться. Стою, как истукан, в ожидании следующей команды. Мы должны

быть готовы к маршу, к переходу через Альпы. И к войне. К войне с гельветами. Сам проконсул призвал нас, и как только он доберёт людей в два новых легиона — мы выступаем. Последние дни нас муштровали даже больше, чем обычно, не давая и часу продыху, даже мне досталось, хотя обычно меня освобождают от самой грязной работы и вместо этого нагружают административной работой в палатке центуриона.

Слышу, как за моей спиной Луций Валерий тихо хмыкает. Его уверенность заразительна. Я знаю, что он вытянет меня назад, если меня ранят, что на него можно положиться. Изначально он недолюбливал меня, постоянно толкая в спину и прозвав с издёвкой «Патрицием», но после того, как я помог ему написать письмо семье, мы стали приятелями.

Вдруг в дальнем конце поля раздаётся звук трубы. Это сигнал. Короткий, резкий, пронзительный. Фронтон вскидывает голову, словно учувя добычу.

— Вольно! — рявкает он. — Приготовиться к построению в походную колонну!

В строю начинается суэта. Легионеры торопливо подгоняют доспехи, закрепляют вещи. Запах навоза смешивается с запахом железа и кожи. Мы готовимся к марш-броску на двадцать километров, судя по всему, последнему перед отправкой в Галлию. Я торопливо подгоняю снаряжение. Мы выстраиваемся в колонну следом за знаменосцем. Раздаётся сигнал, и, начиная с первой когорты, весь VII легион приходит в движение. Наступает очередь нашей седьмой когорты и, наконец, нашей третьей центурии.

— Шагом марш! — командует Фронтон, и мы выдвигаемся.

Мы выступаем. За последние полгода такие марши стали обыденностью. Ноги чеканят шаг, отсчитывая километры. Но одно дело — марши, а другое — война. В колонне стоит гул голосов, но в основном разговоры касаются женщин и выпивки. Почти никто в легионе не участвовал в полноценных боевых действиях, за исключением редких центурионов вроде нашего Целия. И то — в основном это были мелкие приграничные стычки да подавления бунтов. В отличие от Девятого легиона, в котором, по слухам, есть даже ветераны войн с Митридатом, наш таким похвастаться не может. Наверняка даже Фронтону не по себе. Война — это не рытьё траншей, где он может безнаказанно срывать злость на подчинённых. Хотя он-то всё равно будет отсиживаться в тылу и только подгонять остальных.

— Как думаешь, далеко отсюда до Галлии? — спрашивает Луций, идущий позади, вторгаясь в мои размышления.

— Не знаю, почему ты спрашиваешь меня? — оглядываюсь я на него.

— А кого мне ещё спрашивать, если не нашего Патриция? — растягивается он в улыбке. — Наверняка Целий или кто-то ещё обмолвились при тебе, как обычно.

— Боюсь разочаровать, но нет, не обмолвились, так что даже не представляю, — пожимаю плечами. — Сначала надо перебраться через Альпы, на это, наверное, уйдут недели, а потом ещё идти по землям галлов. А это ещё пара дней... Ноги гудят от одной только мысли.

— Ноги гудят не от мыслей, а от того, что ты мало работаешь и много пишешь, Патриций.

Может, он и прав, я чувствую, как пот струится по спине, пропитывая тунику. Кожа под доспехами чешется, но я терплю. Нельзя отставать от строя или показывать слабость. Целий зорко следит.

Луций кивает и сплёвывает на обочину дороги.

— Главное, чтобы Цезарь нас не заставил бежать всю дорогу. Говорят, он гонит солдат, как скот на ярмарку.

— Слышал, он остановил целое войско гельветов под Геновой, — я поправляю ляжку щита, почёсывая спину, — с одним только Десятым легионом. Представляешь?

— Наверняка сказки, — отвечает Луций, — послушать тебя, он полководец похлеще Помпея Великого. Если бы ему хватало одного, стал бы он набирать ещё пять?

— Только Помпея и знаешь, — усмехаюсь. — Но в наших же интересах, чтобы так и было, я пошёл в армию, чтобы сделать карьеру и прославиться, а не сгинуть в галльских лесах.

— Неважно, даже великому полководцу нужны солдаты. Иначе он ничего не сможет сделать, — добавляет он, не обращая внимания на мои колкости.

Я задумываюсь над его словами. В них есть доля правды. Даже самый великий полководец бессилён без армии. А мы — всего лишь часть этой армии, маленькие части в этой огромной машине войны.

— Лициний, а ты знаешь, зачем эти гельветы вообще полезли к нам? — присоединяется к разговору Авл, идущий справа.

— Говорят, им стало слишком тесно. И их земля обеднела. Вот они и решили поискать себе новое место к западу от своих земель, на востоке-то германцы.

— Только забыли спросить разрешения у Рима, — добавил Луций и захохотал.

Авл качает головой:

— Рим никогда не спрашивает разрешения у других, когда ему что-то нужно.

— Главное, чтобы мы выжили, — говорю я, — и вернулись домой со славой.

— Вернёмся, — уверенно отвечает Луций. — Я обещаю тебе. Мы будем прикрывать спины друг друга. К тому же до нас очередь, наверное, даже не дойдёт, ведь сначала эти гельветы должны будут пройти через Тита, — он громко хохочет.

Я улыбаюсь и смотрю на могучую спину впереди. До вступления в легион Тит был помощником каменотёса и целыми днями ворочал огромные каменные блоки. В нашей центурии он пользуется особым уважением, настоящий Геракл, способный одним словом закончить любой конфликт или ссору.

Я погрузился в собственные мысли, и мы больше почти не общались. Мы идём ещё пару часов, но я не замечаю времени. Звук шагов, лязг доспехов, разговоры товарищей. Всё это создаёт какой-то странный ритм, убаюкивающий и одновременно тревожный.

Наконец-то впереди показывается небольшая равнина. Раздаётся сигнал трубы. Целий поднимает руку, останавливая нас.

— Привал! — кричит Фронтон. — Двадцать минут отдых!

Легионеры с облегчением опускаются на землю, вытягивая уставшие ноги. Я сажусь рядом с Луцием, снимаю шлем и вытираю пот со лба и некоторое время просто дышу. Воздух наполнен запахом зелени и разогретой земли.

— Надеюсь, сегодня хоть не будем лагерь возводить, — стонет Луций и падает на траву, закидывая руки за голову. — Неплохо бы поберечь силы перед переходом через Альпы.

— Скажи это трибуну, вдруг оценит, наверняка напоследок он решит закрепить наши навыки...

Луций фыркает, не открывая глаз:

— Вечно ты думаешь о худшем, лучше расскажи мне о богатой жизни патриция.

— Я не был патрицием, сколько раз тебе повторять, да и богатой жизни не застал, мой отец разорился, когда я был ребёнком.

— Это ты так думаешь, а для меня ты всё равно жил богачом. А вот я ничего, кроме плуга, в своей жизни не видел...

— Зато теперь мы оба в одной грязи сидим — центурия уравнила. — Я пью из фляги: вода тёплая и отдаёт медью.

— Ага, уравнила, пока я копаю отхожие ямы, ты сидишь в палатке с Целием и воском по табличке скребёшь.

— Когда ты в последний раз такую копал?

Затыкаю флягу и передаю ему. Он делает глоток и смеётся.

— У тебя даже фляга медная, а у меня деревянная.

— Неважно, спим мы в одной палатке и едим из одного котла.

— Тут я согласен, вот только ты не готовишь на всех, как остальные.

— Зато тебе не приходится сидеть взаперти с Фронтоном, когда он стоит за спиной и ждёт, когда ты ошибёшься.

Он заливается смехом.

— Ну и поделом тебе, вы с ним одного поля ягоды...

Я не успеваю ответить на его колкости. Неожиданно гремит труба — я не сразу понимаю, что происходит.

— Тревога! — рвёт глотку Целий. — Построиться, собаки!

Я вскакиваю, спешно натягивая шлем. Сердце колотится в груди. Занимаю своё место в центурии. Мы выстраиваемся в боевой порядок, словно единый организм, готовый к удару. Легион вытягивается в три линии лицом к условному противнику. Наша когорта занимает своё место на правом фланге, во второй линии, щит к щиту, образуя грозную стену стали и железа.

Новый сигнал раздаётся над полем, заглушая бряцанье доспехов и щитов. Целий, стоящий в первом ряду, выкрикивает команду:

— Приготовить пилумы!

Руки автоматически тянутся к метательным копьям. Древко скользит во вспотевших ладонях. Первая линия делает залп, и сотни дротиков взмывают в воздух. Я чувствую напряжение, повисшее в воздухе. Это всего лишь учебная тревога, но все мы понимаем, что за любую ошибку последует наказание. И не только для тебя — для всей центурии. А позор перед товарищами — это самое страшное, что может случиться с легионером.

Следующий час превращается в бесконечную пытку. Мы отрабатываем манёвры, ориентируясь на движения знамени в руках сигнифера и приказы центуриона.

Шаг вперёд, шаг назад, перестроение, смена позиций. Ноги болят от усталости, спина горит под тяжестью кольчуги. Фронтон не упускает ни одной детали, его взгляд, словно жало скорпиона, пронзает насквозь, я чувствую его на своём затылке. Он то и дело делает замечания и толкает в спину замешкавшихся легионеров, обходя строй сзади.

Мимо проезжает трибун — Тит Флавий Лонг. Я вздрагиваю и подтягиваюсь, стараясь скрыть дрожь в руках. Скutum весит целую вечность.

— Целий! — кричит Лонг. — Твои люди двигаются, как черепахи! Ускорьтесь!

Целий не отвечает и продолжает командовать, словно не слышит его придирок, для него это непросто, он привык требовать стопроцентной выкладки, как от себя, так и от подчинённых. Я благодарен ему за это. Он, как опытный волк, защищает свою стаю от нападков.

Наконец после часов мучений раздаётся сигнал об окончании учений. Легионеры с облегчением опускают пилумы и вытирают пот со лба. Я чувствую, как ноги подкашиваются от усталости, а в голове шумит.

— Вольно! — командует Целий. — Отдых.

Я опускаюсь на землю, стараясь отдышаться.

— Ну что, Лициний, — говорит Луций, усмехаясь, — понравилась тебе разминка?

Я лишь устало улыбаюсь в ответ.

— Главное, чтобы на войне так не было, — говорю я. — А то мы все там поляжем.

— Не волнуйся, мы справимся. Главное, что мы не оказались в рядах тех неудачников, что весь отдых будут бегать.

Я смотрю на группу легионеров, которых заставили бегать кругами за плохую выучку. Я чувствую, как ко мне возвращается уверенность. Наша центурия хорошо себя показала.

Минуты отдыха пролетают как одно мгновение. Звучит новый сигнал, легион поднимается, разворачивается и марширует назад, ещё двадцать километров, идём молча — все измотаны.

Мы прибываем к учебному полю за пару часов до заката. Лонг докладывает старшему трибуну о результатах нашей тренировки, и наконец даётся сигнал о возвращении в лагерь.

Мы ввалились в палатку. Восемь тел, восемь потных мужиков, восемь скутумов, приставленных к стойке снаружи, жуткая вонь мокрой шерсти и кожи. Но сейчас меня это мало волновало, я рухнул на свою подстилку из соломы, чувствуя, как гудят икры. Сил не было даже на то, чтобы снять калиги. Мы просто лежали в полной тишине, переваривая этот день.

Сегодня готовил Гай. Хвала богам, не Квинт с его вечно подгоревшей кашей. От миски пахло ячменём и чем-то кислым. Вкуса я почти не почувствовал, просто глотал горячую жижу, обжигая нёбо. Запивали разбавленным вином — оно было тёплым, вкус почти не ощущался. Тит, как обычно, проследил, чтобы каждый получил свою долю.

После ужина вечерняя поверка — Фронтон и наш тессерарий Сервий Милон обходят ряды, сверяют списки и выставляют ночные караулы первой стражи, из нашего контурберия никто караул сегодня не несёт, все выдохнули с облегчением.

Наконец даётся сигнал к отбою, и мы расходимся по палаткам. Падаю без задних ног. Темно. Даже не хочу думать, что сегодняшней день — всего лишь разминка перед настоящим походом.

Глава 2

В следующие дни лагерь гудит, словно огромный улей, и я тону в этом хаотичном движении. Каждый день нас гонят на учебное поле, где мы, не жалея сил, отрабатываем построения, метаем пилумы и шлифуем удары. Солнце палит нещадно, пот заливает глаза, но Целий не даёт нам передышки. Он гоняет нас до седьмого пота, словно одержимый желанием сделать из нас идеальных воинов. Едва переставляю ноги — почти не спал, вши не давали мне покоя. Я давно смирился со всеми тяготами и лишениями моей новой жизни, но не с этими назой-

ливыми паразитами, которые заползают под одежду, причиняя невыносимые страдания. Едва проснувшись, я сразу понимаю, что день будет мучительно долгий.

После обеда Фронтон забирает меня в палатку принципов. Там я просиживаю долгие часы, склонившись над глиняными табличками. Работы невпроворот. К лагерю начали прибывать обозы, и я веду учёт всего нового снаряжения для центурии: зерно, пилумы, палатки, амфоры, калиги... Кажется, этому не будет конца.

В палатке душно и пахнет кожей и пергаментом. Фронтон постоянно стоит у меня за спиной, контролируя каждое моё движение. Я чувствую его взгляд и стараюсь не допускать ни единой ошибки.

Они с Целием обсуждают последние новости, говорят, что Цезарь скоро прибудет с двумя новыми легионами. Все взволнованы этой новостью. Некоторые боятся, другие — наоборот, ждут его прибытия с нетерпением. Они обсуждают слухи о нём, о его политической и военной карьере, но всё, что я вынес для себя из их разговора, — что он не терпит лени и некомпетентности.

Вечером, когда я заканчиваю работу, Фронтон неожиданно обращается ко мне:

— Лициний, — говорит он, — ты хорошо справляешься со своими обязанностями. Твой декан хвалит тебя, ты хорошо показываешь себя в строю и в работе. С твоим происхождением тебя может ждать быстрая карьера...

Я удивлённо поднимаю глаза. Это первый комплимент, который я слышу от него за всё время моей службы.

— Но, — продолжает он, — не зазнавайся. Впереди ещё много работы, скоро мы отправимся в Галлию, и поход покажет, из какого теста ты сделан, прояви себя — и я помогу тебе подняться по службе. — Он замолчал, разглядывая меня, словно прикидывая цену лошади.

Я немного опешил от такой откровенности, опускаю голову и молчу. Я понимаю, что он прав — поход покажет, кто я, но, похоже, Фронтон уже разглядел во мне того, кого стоит держать поближе.

Я выхожу из палатки и возвращаюсь в контурберий. Мои товарищи сидят у печи, готовя лепёшки на углях. Квинт, Децим и Юний играют в кости и громко смеются. Я сажусь рядом с ними и стараюсь расслабиться. Но даже здесь, в окружении друзей, я не могу забыть о словах Фронтонна. Я знаю, нас ждёт тяжёлое испытание, и я должен быть готов к нему.

Луций хлопает меня по плечу и предлагает выпить вина. Я соглашаюсь. Вино немного успокаивает мои нервы. Я смотрю на огонь и думаю о том, что ждёт меня в будущем.

Ночь выдалась бурная. Какой-то болван из обозников уснул с факелом, в результате чуть не сгорел склад с сеном, который был в зоне ответственности нашей когорты. Хорошо, дозорные вовремя заметили и успели потушить пожар. Я записывал имена тех, кто тушил, — для поощрения, для этого дела Фронтон вытащил меня прямо из постели, он вообще не любил писанину. Обозника арестовали. В городе его будут судить. Я смотрю, как его уводят: он спотыкается, плачет, что-то бормочет про факел, про то, что не спал двое суток. Никто не слушает.

«Прояви себя», — сказал Фронтон.

Будь на его месте я, моя карьера бы закончилась, не успев начаться, меня бы просто забили палками, как и любого другого солдата, — вот и весь суд.

Я представляю, как палка опускается на спину. Раз. Два. Счёт сбивается после десятого. Отвожу взгляд.

Наутро на тренировке Целий объявил, что скоро придут два новых легиона. Молодняк, зелёные совсем. «Наш легион покажет им настоящую выучку!» — гремел его голос над полем. Он добавил, что если кто-то из нас опозорится перед новичками, то отправится в обоз к мулам чистить навоз. После таких слов на поле был ад. Мы отработывали перестроения без продыху, пока земля не начала гудеть под ногами.

После тренировки я снова отправился в палатку, работы был непочатый край, я вёл учёт каждой туники, каждого пилума, зарылся с головой в гору табличек. Говорят, Лонг был в ярости, узнав о пожаре, — такой провал и прямо перед прибытием Цезаря. Но, к счастью, нашу центурию не наказали.

Обозы всё прибывали, и за стенами лагеря образовался целый город из палаток и животных. То и дело вспыхивали ссоры из-за того, где чьё место, или из-за того, что кому-то не хватило корма для волов.

Прибыли и маркитанты. Они разложили свои товары прямо на вале: оружие, посуду, вино. Целий ужесточил порядки, опасаясь, что солдаты будут бегать к валу, тратить деньги на всякую ерунду и нарушать дисциплину.

— Нечего вам шляться по лагерю, скоро должен приехать консул, ещё увидит, какой бардак творится. Мне и так досталось от Лонга ни за что, — ворчал он.

И он оказался прав. Я как раз заканчивал работу, когда услышал сигналы труб и шум за палаткой, я вышел наружу и увидел толпу легионеров, они с интересом смотрели в сторону ворот, где собрались трибуны. Я оглянулся и увидел Целия — он весь вытянулся как по струнке. Его взгляд был прикован к этой группе. Я присмотрелся и увидел штандарт, а затем и всадников. Сердце забило быстрее. Неужели это Цезарь? Значит, уже скоро мы выдвинемся в поход.

Отсюда я едва мог его рассмотреть, но он не показался мне каким-то особенным, кем-то отличающимся от обычного трибуна: мужчина в годах, в красном плаще, на нём не было блестящих доспехов, он даже не носил шлема с гребнем, которые так любят легаты, подчёркивая свой статус. Я обратил внимание, что на коне сидел он как-то криво — будто гражданский, и вообще не производил впечатления крупной фигуры.

Но всё это было только с виду, хоть внешне он и не походил на великого полководца, зато атмосфера вокруг давала понять, что он не простой человек. Все вокруг — от принципов и префекта до трибунов — бегали вокруг него как на цыпочках. Они крутились рядом, делали доклады и всячески старались показать себя ему. Все, кто раньше смотрели на всех нас, на меня, как на грязь, теперь сами оказались в этой роли, от этого мне стало тепло на душе и захотелось смеяться. Мне же было плевать, кто он, я понимал, что никогда не увижу его ближе, чем сейчас, я лишь надеялся, что он хороший полководец и не погубит войско в галльских лесах, и меня вместе с ним.

Он же спокойно выслушал доклад трибуна, повернул коня и направился в сторону претория. За ним последовали его офицеры и охрана, оставив толпу лизоблюдов позади.

Глава 3

Два новых легиона начали разбивать лагерь напротив нашего. Фронтон взял меня с собой посмотреть на их выучку. Я был рад наконец покинуть лагерь вне строя и подышать свежим воздухом, а не потом тысяч солдат.

Совсем ещё зелёные, они надрывались в попытках вовремя выполнить задачу, центурионы орали как проклятые, боясь ударить лицом в грязь перед Цезарем, но работы шли медленно.

— Да, до нашего легиона им далеко, — гордо заключил Фронтон. — Не говоря уже о нашей центурии. — Я был удивлён, что он такого высокого мнения о нас. — Не так давно и вы такими были, Лициний, а сейчас управитесь вдвое быстрее, не зря мы вас гоняем!

Удовлетворённые, мы вернулись в лагерь. Солнце уже село, когда они закончили работы. Говорят, Цезарь лично ездил оценить работу, представляю, что у них там творилось...

На следующий день решили устроить показательный смотр для Цезаря. Наш Седьмой легион и Девятый, как самые боеготовые, отрабатывали совместные манёвры, устроив учебный бой. Тяжело дыша, я старался не отставать от товарищей. Жара, как для конца весны, стояла невероятная, доспехи раскалились на солнце, словно в кузнечной печи. Мы сходились и расходились, щиты с грохотом сталкивались, создавая какофонию войны.

Налегая друг на друга, мы толкали передние ряды, опрокидывая противника, или отступали, перегруппировываясь. Отрабатывали смену позиций и оттягивание раненных — громилу Тита еле уволокли назад. Когда настала наша с Авлом очередь выйти вперёд, он оступился и чуть не упал прямо под учебный меч противника, к счастью, я вовремя удержал его и прикрыл щитом.

Цезарь наблюдал за происходящим с холма в окружении трибунов. Говорят, он остался доволен нашей выучкой, так что Целий был в хорошем настроении весь оставшийся день, на радостях он разрешил нам сходить к торговцам.

Мы с Титом купили немного свежего мяса и оливок на контурберий, а на обратном пути видели с вала, как два новых легиона, XI и XII, гоняли как проклятых на поле. Бедняги старались изо всех сил, но было видно, что они новобранцы. Они путались в перестроениях, роняли щиты, центурионы орали так, что слышно даже здесь.

Остаток дня прошёл в той же рутине, что и предыдущие, как и последующие два: подъём, завтрак, изнурительные тренировки, обед, работа, ужин, поверка, отбой.

На третий день в лагерь прибыл отряд всадников, я их не видел, но Луций сказал, что они были все в пыли, а кони в мыле, как будто скакали из самой Галлии. Впрочем, так и оказалось: Целий и Фронтон позже обсуждали, что это были посыльные от легата Цезаря Лабиена и привезли ему сведения о передвижении гельветов.

На следующий день во время работы я подслушал их разговор:

— Говорят, Цезарь недоволен нашей медлительностью, обозы всё ещё не готовы, — сказал Целий, глядя на Фронтон.

— Он рвётся в бой, пока галлы уязвимы. Несмотря на то что состояние новых легионов оставляет желать лучшего, скорее всего, мы выступим в ближайшие дни.

Мне стало не по себе. Значит, скоро всё начнётся. Война, наши первые сражения, шанс проявить себя... Я старался не показывать свой страх, но Фронтон, казалось, видел меня насквозь.

— Не трусь, писарь, — усмехнулся он. — Ты же бывший всадник. Докажи, что достоин носить это имя.

Я ничего не ответил. Что я мог сказать? Я понимал, что Фронтон прав. Я должен быть сильным, хотя бы ради своего рода, если я рассчитываю восстановить его имя.

- Что-то ты медленно работаешь... Устал? — презрительно усмехнулся он.
— Нет, всё в порядке, — ответил я, стараясь говорить как можно увереннее.
— Смотри, у тебя ещё будет время отдохнуть, когда тебя убьют в бою.

Я сглотнул. Фронтон, как всегда, умел подбодрить. Что это вообще было? Шутка или пророчество? Он желает мне гибели? За что? Я плохо справляюсь?

Он же даже не обратил внимания на мои терзания и вернулся к разговору с Целием.

Вечером я пересказываю товарищам новости, когда мы сидим у костра. Гай как раз разливает остатки вина — разбавленного, тёплого, почти без вкуса.

Первым отзывается Марк. Он подаётся вперёд, и пламя костра пляшет в его глазах.

— Год, — говорит он. — Не пройдёт и года, как я стану знаменосцем. А там и до тессерария недалеко.

Луций фыркает в кружку:

— Ты сначала доживи до первой битвы, будущий знаменосец.

Юний пожимает плечами.

— Всё лучше, чем отхожие ямы копать. — Он сплёвывает в костёр. — В бою хоть себя показать можно.

— Вот уж точно, — добавляет Децим, — не зря же Целий нас пытается.

Восьмая шеренга. Самый тыл. Как ты себя проявишь, Юний? Из-за чужих спин. Не сбегать — уже подвиг. Думаю я, но вслух ничего не говорю.

Квинт и Луций отшучиваются. Квинт говорит, что он скорее, чем Марк, станет знаменосцем, успеет оприходовать каждую галльскую бабу.

Тит молчит. Он сидит ближе всех к огню, и тени от пламени режут его лицо на куски — светлое, тёмное, светлое. Он примет на себя весь удар. Выстоит ли он? А если нет, то кто тогда выстоит?

— Будем надеяться, что Цезарь знает, что делает, — Луций толкает меня в плечо. — Не бойсь, Патриций. Даже если нет — я буду рядом.

Я отвечаю ему лёгкой улыбкой, однако беспокойство не покидает меня.

Гай опрокидывает кружку в огонь, поднимая столп искр.

— Пусть нам повезёт, — говорит он негромко.

Тит кивает и следует его примеру. За ним остальные. Все по очереди опустошают кружки, пытаюсь отогнать свой страх. Когда очередь доходит до меня, я лишь усмехаюсь, я не собираюсь верить свою судьбу в руки богов.

— Зря, Лициний, ты не веришь, боги — единственное, что оберегает нас.

— Я верю, что не боги защитят меня от гельветов, а мой щит и щиты моих товарищей.

— Только гляньте на него, наш писарь уже мыслит как ветеран! — захохотал Марк. — Всё верно, Лициний, верь в свой щит и щиты тех, кто вокруг.

Гай качает головой.

Ночью мне снится кошмар, словно сами боги разгневались на меня. Я вижу себя на поле боя, окружённого врагами. Они нападают на меня со всех сторон, я пытаюсь поднять щит, чтобы защититься, но рука не слушается, он будто прирос к земле, налился свинцом, врос в землю. Я выхватываю меч, но он оказался ржавым и рассыпался прямо у меня в руке. Между тем враги окружили меня, я не мог разглядеть их лиц, и это пугает меня ещё больше. Один из них хватает меня за руку, хватка стальная. Острая хлёткая боль прокатывается по телу волной холодного пламени, вырывая меня из сна. Открываю глаза, тяжело дыша. Понимаю, что весь мокрый — туника прилипла к спине. В палатке темно и тихо, только Марк негромко храпит. Я

тихонько встаю и крадусь к стойке с оружием, достаю гладиус и проверяю его — сталь чистая, ни ржавчины, ни зазубрин, острый. Но достаточно ли?

Следующий день начался с суеты, которая проникла даже в самые сонные уголки лагеря. Стало известно, что выступаем завтра. Когда я это узнал, то несколько минут не мог унять дрожь — ночной кошмар не отпускал меня, и страх всё сильнее сковывал сердце.

Но нет времени думать, я спешу в палатку, меня уже ждёт гора работы. Фронтон, как всегда, не теряет времени даром. Носится из угла в угол, раздавая указания деканам, которых собрал. Целия нет, Цезарь вызвал трибунов и центурионов на плац, чтобы донести последние указания.

— Лициний! — кричит он, как только я вхожу. — Где тебя носило? У нас времени в обрез! Бери эту табличку и неси её к префекту лагеря. Потом вернись и помоги Милону сверить списки провизии. Нужно убедиться, что у нас всего достаточно для похода.

Я беру табличку и бегу к префекту, стараясь не споткнуться на ухабистой дороге. Вокруг меня снуют легионеры, гружённые оружием и снаряжением. В воздухе витает запах пота, пыли и дыма от костров. Все торопятся, все спешат. Каждый занят своим делом, но все объединены одной целью — подготовиться к войне.

Я бегаю по его поручениям до полудня, после обеда, когда я возвращаюсь, возвращается и Целий с собрания, его лицо светится каким-то особым огнём.

— Ты бы это слышал, Корнелий! — обращается он к Фронтому, хлопая его по плечу, что для него совсем не свойственно. Фронтон аж рот раскрыл от неожиданности.

— Цезарь речь толкал, каких свет не видывал! Не зря он консул — прирождённый оратор, каждое слово — как удар молота. Говорит, что мы должны показать галлам, что такое римская мощь.

Я подумал, что речи Цезаря, должно быть, были впечатляющими, но меня больше волнует то, что произойдёт после них. Я погружаюсь в работу. Сверяю списки, переписываю приказы, разношу сообщения. Время летит незаметно. Я настолько увлечён работой, что забываю о своём страхе. На мгновение мне кажется, что я не боюсь войны, что я готов к ней. Но это всего лишь иллюзия. Как только я откладываю стилус, страх возвращается с новой силой.

К вечеру, когда солнце начинает клониться к горизонту, работа наконец-то заканчивается. Я валюсь с ног от усталости, но чувствую некоторое облегчение. Мы сделали всё, что могли, чтобы подготовиться к походу. Остальное зависит от воли судьбы и от воли богов.

Я выхожу из палатки. В лагере уже зажигают костры. Легионеры собираются вокруг них, чтобы поесть и отдохнуть после тяжёлого дня. Я вижу Луция и Гая, сидящих у костра. Они манят меня к себе.

Сядясь рядом с ними, я чувствую тепло огня, согревающего мои озябшие кости. Гай протягивает мне кусок мяса.

— Ешь, Лициний, говорят, в походе мяса не дождёшься, — говорит он. — Нам нужно набраться сил перед походом.

Я благодарно принимаю еду и начинаю есть, стараясь не думать о том, что меня ждёт впереди. Немного подумав, я отрываю кусок мяса, бросаю его в огонь и шепчу: «Сохраните». Сам не зная толком, кому молюсь. Юпитеру? Марсу? Ларам нашего контурберия? Лишь бы услышали. Гай, заметив это, с пониманием кивает. В лагере воцаряется тишина, нарушаемая лишь потрескиванием костров и приглушёнными голосами легионеров.

На небе появляются первые звёзды. Что это? Просто светила, прикреплённые к небесной сфере, как пишет Гигин в своей «Астрономии», или это боги и герои прошлого смотрят на нас свысока, решая нашу судьбу?

Глава 4

Светает. Меня будит не утренняя заря, а истошный звук трубы. Вскрываю с лежанки, сердце бешено колотится. Ноги заплетаются, пока я натягиваю тунику и надеваю калиги. Мои заспанные товарищи копошатся вокруг, пытаюсь собраться в мгновение ока. Мы строимся, и Фронтон сверяет численность состава — все на месте. Мы расходимся на завтрак. Едим быстро, но даже так я не успеваю доест, снова гремит сигнал.

Мы в полном снаряжении вытекаем на поле, медленно заполняя его. Раньше я никогда не видел столько народу, во время тренировок выводили один, два легиона, сейчас же их пять. Мы подождали, пока все построится, а потом простояли, наверное, ещё целый час. Пять легионов. Море железа и красной шерсти. Наш, Седьмой, поставили во второй линии, и через головы первых когорт мне было видно только пыльную равнину и далёкие холмы, откуда ещё вчера приходили обозы.

Гай, стоявший передо мной и опиравшийся на skutum, как на перила, процедил сквозь зубы: «Началось».

Сначала мы слышали звук. Не звон мечей — мычание. Протяжное, испуганное. Это вели их. Я не видел животных, только догадывался. Свинья, баран и бык. Быка было слышно лучше всего — он ревел так, будто уже чувал запах собственной крови на ноже гарусника. Легионеры в первой шеренге вытянули шеи и начали шептаться. Целий, не оборачиваясь, рявкнул: «Стоять, семя волчье! Молчать!». И мы замерли.

Цезарь шёл пешком. Это удивило. Я думал, он проедет на белом коне вдоль рядов. Но нет, он шёл впереди процессии жрецов. Я видел только его алый плащ — единственное яркое пятно среди белых жреческих одежд и серой пыли, поднимаемой копытами быка.

Они двигались не к нам. Они двигались к Орлам.

Все знаменосцы пяти легионов стояли отдельной группой на небольшом холме. Пять серебряных птиц с раскинутыми крыльями, тускло блестевших на древках. Вот вокруг чего на самом деле кружила процессия. Цезарь и жрецы обходили этот холм раз, второй, третий. Это был магический круг. Они не благословляли каждого из нас лично — на это не хватило бы дня. Они защищали сердце армии. А через Орла защита стекала и на нас, на всех, кто стоял в этих квадратах.

Когда бык закричал в последний раз — резко, оборвавшись на высокой ноте, — по шеренгам прошёл выдох. Тысячи людей выдохнули одновременно. Брызги крови попали на землю, на священный огонь, на лавровые ветви. Жрец поднял дымящуюся печень высоко над головой.

Цезарь поднял руку. Все замерли, а трубач прогудел сигнал. Не грозно, как в бою, а плавно, как в молитве. Войско взревело раньше, чем сигнал затих. Потому что мы все поняли: боги приняли дар. Похода не отменяют. Мы идём за Альпы.

Дальше началась суета, лагерь закипел словно на углях. В воздухе гул голосов, смешанный с лязгом оружия и бранью центурионов. Вчерашняя тишина исчезла, как будто её и не было. Мы принялись собирать вещи.

Целий стоит посреди плаца, словно скала, и отдаёт приказы. Фронтон носится вокруг него, как белка в колесе, следя за тем, чтобы всё было сделано вовремя и правильно.

— Лициний! — кричит он, заметив меня. — Ты где прохлаждался? Возьми с собой кого-нибудь и бегом к повозкам с припасами и проверь, всё ли на месте!

Мы с Луцием бежим к повозкам, стараясь не попасть под копыта лошадей и колёса телег. Вокруг меня все куда-то бегут, что-то кричат, толкаются. Чувствую себя песчинкой в этом хаосе. Перебираем мешки с зерном, проверяя качество припасов. Приходится повозиться, мешков полная телега.

— Эй, Лициний, — говорит Луций, вытирая пот со лба. — Смотри-ка, что я нашёл.

Он протягивает горсть зёрен, покрытых плесенью.

— Отлично, вернее – плохо — вздыхаю я. — Значит, нужно доложить Фронтону.

Возвращаемся назад. Лагерь уже начали разбирать, и он тает на глазах. Палатки сворачиваются, повозки грузятся, мулы ревут. В обозе образовалась давка, ругались так, что цензоры в Риме бы позавидовали виртуозности, вонь жуткая. Чувствую знакомый запах конского навоза, перемешанный с ароматом дыма из догорающих костров. Мы протискиваемся сквозь толпу назад к своей центурии. Вижу, как Тит вместе с остальными деканами докладывают о ходе выполнения поставленных задач, жду своей очереди и рассказываю о зерне.

— Хорошо, я понял, — говорит он. — Молодец, что заметил, разберёмся. Ты мне пока не нужен, можете присоединиться к разборке палаток.

Мы переходим под командование Тита и помогаем собирать вещи и грузить наших мулов. На контурберий их полагается два. Упаковываем вещи и палатку, жернова для зерна, общий котёл и переносную печь. Обедать, похоже, будем уже за пределами лагеря. Я помогаю Титу раздавать пайки: сыр, бобы и овощи на три дня. После того как мы заканчиваем, снова построение, Целий лично проверяет порядок и обходит строй.

Наконец мы снова выходим на поле и строимся, на этот раз уже с поклажей. Я несу на спине все свои вещи: инструменты, паёк, два пилума, колья для частокола и мешок с табличками — нагружен словно выючная скотина, что наш мул. Обоз тоже медленно сворачивает свой лагерь, впрочем, мы их ждать не станем. Снова начинается томительное ожидание, мне вновь становится не по себе. Защита жрецов немного успокоила мои нервы, но страх никуда не делся, он только спрятался в самые тёмные уголки моей души. Что нас ждёт? Вернёмся ли мы когда-нибудь назад или поляжем на чужой земле? Я крепче сжал пилум, чтобы унять дрожь. Громкий сигнал трубы нарушает мои тревоги. Появляется Цезарь.

Он делает небольшой круг перед нами и забирается на земляной вал, на котором ещё утром стояли знаменосцы, его специально насыпали накануне, чтобы все видели. Трибуны и принципы выстраиваются у подножья, и он начинает произносить речь. Я стоял слишком далеко, чтобы что-то услышать, ветер уносил слова прочь, может, потом кто-нибудь перескажет. Наверное, что-то о величии Рима, я много раз слышал подобные рассказы от своего отца, до самой своей смерти он твердил о величии Рима. А толку — лежит теперь под дешёвой плитой, а Рим и не заметил. Я машинально проверил гладиус — слегка вынув из ножен и проверив остроту. Осмотрелся, посмотрел на Гая впереди, он, похоже, в отличие от меня, проникся

моментом и весь вытянулся, как будто был на триумфе в его честь, казалось, он разучился дышать. «Он говорит, что мы вернёмся домой!» — неожиданно прошептал он, я замер. Он не мог этого слышать, как и я, но почему-то мне захотелось ему поверить. Когда речь закончилась и первые ряды взорвались криком и гул голосов докатился до нас, я тоже закричал, но не потому что проникся словами Гая, а потому что не кричать было невозможно.

Мы все заорали и застучали мечами о щиты. Я отдался моменту, и страх разжал свои клешни. А Цезарь между тем спустился с вала и направился к коннице. А нам был дан сигнал строиться, и мы начали двигаться. За конницей двинулась лёгкая пехота. Потом мы — наш легион шёл первым, за нами Девятый, потом Восьмой, за ними обоз, а замыкали строй два легиона новобранцев.

Облако пыли поднялось над нами, словно туман. Солнце пекло в затылок. Спереди люди, сзади люди, вереница мулов слева, справа ещё одна центурия. Я привык к маршам, но впервые иду в составе целой армии, я ощущаю себя частью всего этого, частью огромной римской машины войны. Это придаёт мне уверенности. Целий идёт рядом с центурией и покрикивает команды. Мешок с табличками больно бьёт мне по спине при каждом шаге. Я оборачиваюсь назад, чтобы в последний раз взглянуть на наш лагерь, но его уже не видно. Только пыль над дорогой и блеск шлемов в бесконечной колонне. Назад пути нет. Я перестал оборачиваться. Мешок с табличками снова ударил по спине, и я начал считать шаги. Раз. Два. Три... Я считал шаги, чтобы не думать о том, что будет, когда они закончатся.

Глава 5

Первые дни выдались солнечными и спокойными. Закалённая бесконечными марш-бросками, наша центурия достойно переносила дневные переходы. Вечером разбивали лагерь. Ночевать в поле не годится для римского легионера. Строили вал, устанавливали колья и ставили палатки. Справлялись быстро, каждый знал своё место и задачу.

Вечерами, после тяжёлого дня, сидели у костра, травили байки, играли в кости и вспоминали дом. Децим рассказывал о своей жене, которая ждёт его с войны вместе с недавно родившимся наследником. Луций строил планы на землю, которую получит за службу.

Трудности начались, когда мы покинули долину реки По и подошли к Альпам. До этого всё казалось почти прогулкой — ровные поля, твёрдая, ровная дорога под калигами. Но у Оцелы всё изменилось. После последнего лагеря вблизи этого городишки, где Цезарь наладил линию снабжения и мы в последний раз наелись досыта горячим хлебом, легионы двинулись через горы. Мы шли по старой дороге, которую местные называют «тропой мулов» — словно в честь нас, выючных животных Рима. Ирония была горькой, но точной.

Дорога узкая, каменистая и кривая. Она петляет по склону, то поднимаясь вверх, то вновь спускаясь вниз. Телеги то и дело вязнут в грязи, а мулы отказываются идти дальше. Вдобавок пошёл снег. Не такой, как внизу, мягкий и пушистый, — здесь он был колючий, острый, ветер гнал его прямо в лицо, под шлем, где он таял и стекал под доспехи. Дышать стало трудно — воздух тоже стал каким-то другим, он словно режет горло изнутри, из-за чего невозможно сделать полный вдох.

Мы шли, быстро хватая его ртом, словно рыбы, выброшенные на берег. Мышцы начали болеть от нехватки воздуха.

— Чёрт бы побрал эти горы, — ворчал Луций позади, тяжело дыша и с трудом переставляя ноги. — Лучше бы с гельветами сражались, чем карабкаться по этим скалам.

Целий рычал, чтобы не отставали и не смели жаловаться, то и дело охаживая лозой по спинам отстающих. Хорошо, когда не нужно тащить всю свою поклажу на горбу, а есть личный мул.

Чем выше мы поднимались, тем холоднее становилось. Грязный, сырой снег лежал повсюду. Ветер пронизывал до костей. Мы были одеты совсем не по погоде, я кутался в плащ, но всё равно дрожал от холода, задыхаясь, шагал вверх, всё выше по склону, считая шаги. Хуже всего было то, что под снегом оказалась ледяная корка, мы то и дело поскользнулись и катились назад, наваливаясь на позадидущего. Мне несколько раз приходилось ловить Гая, отчего дыхание сбивалось ещё сильнее. Мулы тоже скользили, а повозки вязли в грязи каждые полмили, обоз начал медленно растягиваться и отставать. Снег перестал идти только к вечеру, когда остановились на холме, в небольшой долине, выбрав место для лагеря, строили укрепления прямо в грязи. Плато, которое с первого взгляда показалось ровным, на деле же оказалось покатым и покрыто тем самым мерзким месивом, что преследовало нас весь день: снег, перемешанный с грязью и мелким щебнем.

Нашему контурберию выпал участок рва на северной стороне. Я взялся за лопату, как нас учили, — инструмент для легионера не менее важный, чем меч. Древко было холодным и мокрым, пальцы скользили по дереву. И принялся за работу, вогнал лезвие в землю — вернее, в то, что здесь называлось землёй. Мы делали это тысячу раз, но здесь эта привычная рутина превращалась в пытку. Грязь налипала на железо толстым слоем, и уже через десять взмахов лопата превращалась в неподъёмный снаряд.

— Смачивай лезвие, — бросил Юний, не прекращая копать. Его лицо блестело от пота, несмотря на холод. — В лужу окуни. Грязь не так липнет.

Совет оказался дельным, и дело пошло чуть бодрее. Юний давно привык к тяжёлой работе, из всего контурберия его на неё определяли чаще всего. Мы всегда посмеивались над этим, называя его за глаза «неудачником», но теперь, оказавшись с ним рядом, я заметил, насколько он вынослив. И «неудачником» чувствовал себя я.

Вал рос медленно. Земля, которую мы выбрасывали из рва, была тяжёлой, пропитанной влагой, и отказывалась держать форму. Мы укладывали её слоями, утрамбовывали ногами, но она тут же оплывала и расплзалась в стороны. Пришлось мешать её с камнями, которые мы собирали тут же, на плато, выковыривая из-под снега голыми руками. Пальцы немели от холода, ногти ломались о мёрзлый щебень.

Стемнело быстро — в горах сумерки коротки. Зажгли факелы. Их свет, колеблющийся на ветру, выхватывал из темноты сгорбленные фигуры легионеров, блестящие от грязи лица, мокрые лопаты, взлетающие и опускающиеся в мертвенном, механическом ритме. Мы работали уже часа два без перерыва. Руки дрожали от напряжения. Спина ныла так, что я не мог разогнуться полностью, ходил сгорбленным, словно старый раб на каменоломне. Наконец Целий аккуратно, чтобы не поскользнуться, взобрался на вал, осмотрел его и, оставшись довольным, дал команду об окончании работ. Мы все, грязные как боровы, отправились в лагерь ставить палатки и отмываться.

Дрова, которые набрали в местном подлеске, были сырые — дыму было больше, чем тепла. Но мы всё равно жались к огню, не обращая на него внимания, после умывания в ледяной воде зубы сводило от холода. Сушили туники, я чистил меч от грязи, чтоб не заржавел,

не было ни шуток, ни историй, ели в тишине. Горячая каша была лучшим моментом этого холодного, сырого дня.

Сегодня вёл первый подсчёт потерь. К счастью, только потерь в имуществе. Было уже поздно, почти ночь, при тусклом свете масляной лампы, сидя на тюке — из всех удобств лагеря в поход мы взяли только личный складной стул Целия. Я записывал наши убытки на глиняной табличке. У одной из телег нашей когорты сломалась ось, её пришлось бросить на склоне, перегрузив поклажу на волов, в двух мешках с зерном снова нашли плесень, а у одного легионера лопнул ремень на шите, пока шёл, бедняга всю дорогу щит на голове тащил, как коромысло. Смешно, но я не смеялся, потому что у самого пятки в кровавых мозолях, не представляю, каково было ему. Ремни, в принципе, были дрянные, я подумал, что при первой же возможности стоит купить себе запасной.

Фронтон сказал, что разведчики видели какое-то мелкое кельтское племя, промышленяющее разбоем. Они следят за нами с гор, ища удобный момент напасть на обоз. Я не поверил, не могут же они быть настолько глупы, чтобы напасть на пять римских легионов.

Как выяснилось, могут. На следующий день разнёсся слух о сражении в конце колонны, разбойники скатились с гор и напали на обоз. Очевидно, они хотели похватать что смогут и сбежать, но не тут-то было, Цезарь был готов к этому. Говорят, он лично командовал этим сражением. Авангард Одиннадцатого легиона окружил горцев, прижал к повозкам и перерезал, как ягнят. Итог стычки был таков, что около трёхсот разбойников было убито, а ещё шестьдесят взято в плен. Пленных Цезарь приказал тут же продать с аукциона работорговцам, следовавшим за обозом, в назидание другим.

Так самый зелёный легион в одночасье стал опытнее нас. Всех принимавших участие в сражении наградили двойным пайком. Мы с завистью слушали эти слухи, жалея, что не смогли проявить себя перед Цезарем и пройти первую настоящую проверку на прочность.

На следующий день вышли из лагеря ещё до рассвета, все клевали носом, особенно те, кому не повезло стоять в карауле, как Марку. Густой туман стоял вокруг, словно пелена, скрывающая очертания гор. Шли молча, в быстром темпе, стараясь не отставать от впереди идущих. Я чувствовал, как холодный туман проникает под тунику, вызывая дрожь. Мозоли напоминали о себе с каждым шагом.

Наконец подошли к горному перевалу. Через узкое ущелье тянулась извилистая тропа, едва различимая в тумане. Целий что-то крикнул, подгоняя отставших, и наша центурия начала движение по тропе следом за остальными. Справа и слева нависали скалы, поросшие редким кустарником. Идём и тяжело дышим, как стадо быков, пар поднимается над нами, как тот туман.

И вдруг тишину разорвал пронзительный сигнал трубы — тревога! Я вздрогнул и оглянулся. В этот момент с гор на нас посыпались камни и дротики. Справа кто-то вскрикнул, шлем отлетел в сторону. Одновременно с этим раздались дикие крики: «Засада!»

— Поднять щиты! — заорал Целий, и мы тут же сомкнули ряды, образовав непробиваемую стену из skutумов над головами. Камни с грохотом ударялись о щиты, некоторые отскакивали, падая в ноги. Дротики вонзались в дерево, словно иглы. Я пригнулся, прячась за щитом Луция, стоявшего позади. Сердце бешено колотилось в груди. Это мой первый бой. Мой первый настоящий бой.

— Держать строй! — продолжал кричать Целий. — Не поддаваться панике!

Но паника уже начала охватывать меня. Горцы заняли господствующие высоты и полностью обездвижили наш легион. Впереди стоящие центурии оказались зажаты и пятились на нас. Когда мы столкнулись — нас тряхнуло. Так что мы чуть не попадали. Я испугался. В голове проносились мысли о доме, об отце, о том, что я, возможно, никогда не вернусь. Но я продолжал держать skutum, зная, что защищаю не только себя, но и Гая. В этот момент в щит ударил камень — тяжёлый, острый. Скоба врезалась мне в ладонь, отрезвив меня болью. На секунду ум прояснился, мысли отошли, оставив только ощущения, только вес щита над головой. Я вдруг осознал, что он больше не кажется мне неподъёмным, как в моих кошмарах, и неожиданно страх начал отступать.

Под истошные крики Целия, пытающегося удержать наш неровный строй, мы медленно начали отступать из ущелья.

Наконец наша центурия вышла из зоны поражения, и появилась возможность перевести дух. Однако впереди застряли ещё семь когорт. Почти весь легион. Нужно было срочно что-то делать, чтобы выволить его, и Цезарь не заставил себя ждать.

Вскоре я увидел, как велиты, а также несколько когорт пехоты под прикрытием тумана взбираются на гору по узким козым тропам, стремясь зайти горцам в тыл и во фланг.

Наша центурия осталась с остальными внизу, отчаянно обороняясь и отвлекая внимание. Когда горцы заметили манёвр, было уже слишком поздно, они вступили в бой на невыгодных для себя условиях, и битва очень скоро переросла в резню. Не дожидаясь окружения, племена бросились врассыпную вверх по склонам. Раздался сигнал, объявляющий о нашей победе.

Я опустил щит. Руки дрожали — не от страха, от напряжения. Я посмотрел на ладонь: скоба оставила красный след, скоро будет синяк. Луций хлопнул меня по плечу, но ничего не сказал. Да и что тут скажешь? Мы выжили. Пока выжили.

Перестроившись и отдохнув, мы продолжили путь через ущелье и вскоре преодолели его. Начался длинный спуск с горы. Он давался нам ничуть не легче, чем подъём, мы утопали в весенней грязи и талом снеге, иногда кто-то поскользнулся, и его чуть ли не за шиворот подхватывали товарищи, иначе лететь бы ему к самому подножию горы.

Солнце уже садилось, когда было приказано разбить лагерь, трибуны выбрали место на небольшом, покатом склоне, и после тяжёлого дня мы принялись возводить укрепления по щиколотку в грязи, это давалось нам нелегко, но всё же работа кипела. Выставили усиленные посты и наконец смогли отдохнуть.

Этим вечером я впервые записал первую потерю нашей центурии. Им стал Спурий Тарпей — тот парень, в голову которого угодил камень. Он стоял в строю через три человека от меня справа, но чуть впереди, мы не были друзьями, но мне было не по себе. Я провёл стилусом по воску, вычёркивая его имя. Семьдесят семь. Было семьдесят восемь. Интересно, вычеркнет ли кто-нибудь моё. Говорят, всего засада унесла больше пятидесяти жизней. Пятьдесят вычеркнутых имён в табличках по всему легиону.

Следующие дни прошли без происшествий. Кельты больше не беспокоили нас, мы преодолели последние горные хребты, и наш легион первым начал спускаться с гор. Настроение сразу улучшилось, ведь впереди нас ждали пологие долины, а не отвесные скалы и узкие тропы. По словам Целия, дальше лежали земли воконтиев — племени, лояльного Риму, так что можно было немного расслабиться.

Наш легион преодолел Альпы всего за девять дней, что было неслыханно быстро, особенно если вспомнить Ганнибала и его слонов. Правда, остальные легионы и обоз сильно отстали. То, что мы остались одни, немного угнетало, но мы шли в авангарде, обеспечивая безопасность пути, а это уже честь.

Спуск с гор выдался нелёгким. Раскисшая от весенней распутицы земля скользила под ногами, и я несколько раз едва не упал. Но мы упорно шли вперёд, подгоняемые предвкушением скорой встречи с союзниками и заслуженного отдыха.

Когда мы вышли из гор, перед нами открылась широкая долина, покрытая сочной зеленью. Здесь и там паслись стада овец, а вдалеке виднелись крыши деревень. Воздух был наполнен ароматом трав и цветов, что казалось невероятным после ледяного дыхания гор.

Раздался сигнал, объявляющий об остановке легиона, и Целий скомандовал привал. Мы с облегчением попадали на землю. Я оглянулся вокруг. Лица моих товарищей светились улыбками. Все радовались окончанию тяжёлого перехода через Альпы. Растянувшись на траве, я блаженно закрыл глаза, подставив лицо ласковому солнцу. Наконец-то можно было немного отдохнуть и расслабиться.

Неподалёку слышались оживлённые разговоры. Легионеры делились впечатлениями о пережитом и строили планы на будущее. Кто-то мечтал о богатой добыче, кто-то — о скором возвращении домой.

Рядом рухнул Гай:

— Наконец-то, проклятые горы!

— Не сейчас, Гай, — отвечаю я, даже не открывая глаз. — Дай отдохнуть, ноги гудят.

— Ноги у него гудят, — передразнивает Гай. — А у меня знаешь что гудит? Башка гудит! Вся, от затылка до самой переносицы! Я третью ночь не сплю, Лициний! Третью ночь! Это похлеще, чем твои мозоли, их у меня тоже хватает!

— Кто же тебе мешает? В дежурстве ты не стоял.

— Ещё бы дежурство! И так житья нет! Я в палатке лежу! Вот только рядом с Марком!

— А-а-а, — протянул я с пониманием. — Наш доблестный знаменосец. Слышал вчера, когда вернулся с работы. Как будто бык ревёт.

— Бык — это мягко сказано, у него будто кузня внутри.

— Ну так скажи ему.

— А ты думаешь, я не сказал? Побоялся? Я ему так и сказал: «Мол, Марк, земляк, может, тебе на бок перевернуться? А то ты того... мешаешь маленько». А он мне: «Я не храплю».

— Короче, говорить с этим человеком бесполезно, я думаю, надо бы его проучить.

— Э-э нет, это ты зря затеял. Тит не оценит, ещё получишь в ухо. А если совсем немоготу, попробуй затыкать уши шерстью, я лично так делал раньше, когда по первой не мог спать с вами вместе.

— Шерстью! Ухо! Ничего-то ты не понимаешь, я же без грубости, по-дружески, так, предлагаю безобидный розыгрыш, чтобы знал, как храпеть.

— Как ты вообще можешь думать о подобном? Нас пару дней назад чуть не поубивали всех, а ведь это только начало.

— Скажешь тоже, знай себе скутум держи над головой, тоже мне битва... — он поднял руки, изображая, как держит щит. — Всю жизнь вспоминать, что ли?

— Скажи это Тарпею.

Он смотрит на меня серьёзно:

— Ты это, слушай, погоревали и хватит, жалко парня, но так и сам кони двинешь, если будешь держать это в голове вечно, мы солдаты, не всем дарована героическая смерть. Кому-то суждено погибнуть от камня.

— Говори за себя, я собираюсь прославиться и уж точно не погибнуть от камня.

— Опять твои знатные замашки, Патриций, лично я в первые ряды рваться не собираюсь, я и так в двух шагах за Титом, это тебе вечно надо выслуживаться перед Фронтоном.

— Ты так говоришь, будто я в центурионы мечу, просто не хочу глупой смерти.

— Это не нам решать, как уж боги захотят... Главное — чтоб не от недосыпа. И если уж кто и станет центурионом, так это Тит, другого такого не сыщешь, надеюсь, он тогда вспомнит, как я с ним сыром делился.

— Да, Тит будет всяко лучше, чем Целий, тот работу будто из воздуха берёт.

Будто подслушав наш разговор, Целий командует подъём, хотя сигнала ещё не было, видно, хочет показать нас как образцовую центурию. Когда звучит сигнал, мы уже строимся. Легион продолжает движение.

Следующий день прошёл спокойно. Мы двигались по пологой местности, оставив горы позади, и достигли земель аллоброгов. Галлия оказалась совсем не такой дикой, как я ожидал.

По пути нам встречалось много поселений и деревень, и местные жители встречали нас довольно дружелюбно. Они приветствовали нас улыбками и кивками, и я чувствовал себя намного увереннее, зная, что мы находимся на союзной территории.

Мы маршировали, стараясь выглядеть как можно более доблестно. Целий следил за тем, чтобы строй был ровным.

Я старался не отставать и держал голову высоко, чтобы произвести хорошее впечатление на местных жителей.

Вечером мы разбили лагерь, теперь нам предстояло дожидаться обоза, а также Десятого легиона, который шёл к нам из Генева. Место для лагеря было выбрано удачно — просторная долина с рекой неподалёку. Нас отпустили к реке постирать вещи в составе группы. Фронтон следил как ястреб, чтобы мы не докучали местным, не желая спровоцировать конфликты.

Цезарь же начал принимать послов местных племён, я видел некоторых из них, уса-тых вождей, увешанных золотыми цепями и браслетами, словно женщины. Вожди приносили подарки — телеги с продовольствием, скот и даже рабов. Цезарь, по слухам, остался доволен.

Лагерь облепили многочисленные местные торговцы, они предлагали вина, украшения, масла и виноград. Тит и Марк ходили к ним и купили немного свежей еды на контурберий. Так что вечером, после тяжёлого дня, мы устроили небольшой пир со свежими оливками и салом. Я сидел у костра с Гаем и Луцием. Марк и Квинт обсуждали местных женщин, которых видели на реке, — они были выше и дороднее римских, — и мужчин, разодетых как женщины. Луций травил анекдоты, высмеивая их нелепые ушибы. Мы все весело смеялись, забыв туготы горного перехода.

К утру в лагерь прибыл легат X легиона во главе отряда конницы, обогнав пехоту. Тут же Цезарь организовал военный совет, созвав на него всех трибунов и некоторых центурионов. Нашего Целия не пригласили, что довольно сильно ударило по его самолюбию.

Ближе к вечеру подошёл и сам X легион, тот самый, с которым Цезарь остановил гельветов. Мы с Луцием ходили посмотреть на них.

— Ничего особенного, — заключил Луций, — я думал, они будут повыше и покрупнее, но они не чета нашему Титу.

— Целий сказал, что их собрали примерно в то же время, что и наш, и ветеранов там не больше, чем в Девятом.

— Ну, раз они смогли разбить галльские полчища, мы тоже сможем, тем более после той засады в горах опыта у нас не меньше. — Я не был уверен, можно ли сравнивать нашу стычку с их сражением, но настроение у меня всё равно поднялось. Так что мы вернулись к повседневным обязанностям в повышенном расположении духа.

На следующий день стали подходить наши отставшие части и обоз, выходит, мы обогнали их на целых два дня! Даже Девятый легион, который считался опытнее.

Целий сказал, что гельветы уже несколько дней переправляются через реку к северу от нашего лагеря и Цезарь рвётся в бой, чтобы застать их врасплох. А это значит, что как только подойдут основные силы — мы выступим.

Так и вышло. Дав подошедшим легионам день отдыха, Цезарь приказал сниматься с лагеря и двигаться на север. Мы шли быстро, налегке, снова оставив обоз позади.

Вскоре пейзаж изменился, сразу стало понятно, что мы идём по землям, где прошли полчища гельветов. Они как саранча — пожгли, опустошили и вытоптали всё вокруг. По дороге встречались редкие опустошённые деревеньки, местных не было: они либо бежали со скотом в леса, либо были поработаны гельветами.

Шли два дня. Вид был угнетающий. Чёрные остовы домов торчали посреди выжженной земли, как кости на скелете. В воздухе висел запах гари и тления. Даже солнце казалось каким-то тусклым и безжизненным. Я видел, как некоторые из новобранцев побледнели, нервно озираясь по сторонам. Сам я старался не думать о том, что могло случиться с этими людьми.

После нескольких часов марша мы вышли к реке, где Цезарь приказал разбить лагерь и отправил вперёд разведчиков. Река была довольно широкой — шагов триста, с мутной, заиленной водой. Отлив оставил на берегу остатки плотов и каких-то тюков.

— Уже недалеко, они переправляются выше по течению, — сказал Целий, указывая на реку, — видите остатки лодок. Видно, не все смогли добраться до противоположного берега.

— Варвары, — проворчал Фронтон. — Не умеют даже пользоваться тем, что имеют.

— Будьте бдительны, — предупредил Целий. — Они совсем рядом.

Небо нахмурилось, и подул холодный ветер. Казалось, сама природа готовится к битве. Напряжение нарастало с каждой минутой.

Вечером, сидя у костра, я не смог скрыть своего беспокойства и принёс в жертву часть пищи. Все были напряжены: где-то там, выше по течению, совсем рядом — несметные полчища врага.

Во время поверки Целий объявил:

— Сегодня не спим, Цезарь хочет атаковать врага в темноте, так что готовимся сниматься с лагеря. — Легионеры зашептались, Луций присвистнул за моей спиной.

Целий продолжал:

— Выступаем в третью стражу. Мы совершим марш-бросок и настигнем неприятеля, пока он ещё нежится в постели. Десятый легион пойдёт в авангарде, потом мы, потом Девятый. Знаю, это будет наш первый настоящий бой, но помните, чему вас учили, держите строй, прикрывайте товарищей и передавайте приказы по цепочке.

Он ещё давал наставления деканам и знаменосцу, но я уже не слушал. Рука сама потянулась к мечу, я вытащил из ножен и проверил. Острый? Острый, надеюсь, он не подведёт. Уже сегодня! Сегодня наш первый настоящий бой, я с трудом мог унять дрожь. Но где-то глубоко, под страхом, шевелилось что-то ещё. Что-то похожее на нетерпение.

Глава 7

Ночь была тихая и безлунная, хоть глаз выколи. Мы вышли из лагеря так тихо, насколько это было вообще возможно для тридцати тысяч человек, шли без факелов, только по командам центурионов, которые передавали приказы шёпотом, и поворотам знамени. Оружие примотали, чтобы не звенело. В темноте слышно было только тяжёлое дыхание тысяч людей.

Сколько мы так шли — час, два часа? Три? Я не знаю. Время тянулось бесконечно, напряжение витало в воздухе. Сначала мне казалось, что гельветы где-то совсем рядом, притаились в лесу и в любой момент могут выбежать из темноты, застав нас врасплох. Я всматривался в черноту справа и слева, но видел только смутные очертания деревьев и кустарника. Каждая тень казалась врагом. Каждый шорох — засадой.

Но время шло, а атаки так и не последовало, глаза привыкли к темноте, и я начал понемногу успокаиваться. Но всё изменилось, когда я увидел, куда мы идём. Там, впереди, вдалеке, где кончалась наша колонна, показались огни. Тысячи и тысячи огней, казалось, им нет конца, целый океан пламени. Я смотрел на него и думал: неужели мы идём туда? Как мы собрались сражаться с этим?

Между тем мы начали перестраиваться в боевой порядок, наш легион оказался слева, в центре встал Десятый с Девятым, а справа Восьмой, новобранцы за нами. Как только мы построились, загремели трубы, разрывая ночную тишину, и мы двинулись вперёд.

Громкий топот тысяч ног сломал тишину ночи. Впереди, кажется, совсем рядом, раздались крики. Это были не боевые кличи, нет, это были крики ужаса, пронзительные, животные. Мы замерли на мгновение от неожиданности, но Целий заорал во всё горло:

— Развернуться в линию! Бегом! Бегом!

И мы рванулись вперёд, сжимая пилумы, стараясь удержать строй. Я бежал, прижимая щит к груди, в ушах стучала только одна мысль: «Не упасть! Только бы не упасть». Если упадёшь, то в темноте свои же затопчут. В голове пронеслось: «Только не смерть от камня».

— Стоять! — крикнул Целий.

И строй остановился. Я ткнулся лицом в спину Гая и через мгновение увидел это.

Берег реки был усеян людьми. Гельветы. Тысячи их. Они толпились у воды, толкались, грузили какие-то тюки на плоты, тащили связанные лодки. Женщины, дети, старики, воины с длинными щитами — все перемешались в хаотичной толпе. Они явно не ожидали нашего появления и теперь носились по берегу в панике и толкались в поисках спасения.

Мы ударили с ходу, не давая им времени на то, чтобы прийти в себя.

— Пилумы! — заорал Целий.

Первые два ряда метнули пилумы. Сотня тяжёлых дротиков взметнулась в воздух, и в ответ сотни голосов просто захлебнулись нечеловеческим криком, от которого у меня ком встал в горле.

— Ещё! Давай второй!

Они метнули второй, и снова вопли. Высокие, женские, детские. И среди них хриплый рёв мужских глоток, который оборвался так же внезапно, как и начался.

— Вперёд! Обнажить мечи! — проорал Целий, почти одновременно с сигналом трубы, и мы бросились в атаку.

Первые ряды налетели на гельветов. Из-за спины Гая я увидел, как Тит и Марк работают гладиусами, рубя и коля противника. Он старался им помогать, тыча пилумом над их плечами. Я же, находясь в четвёртой шеренге, был абсолютно бесполезен.

— Шаг вперёд! Держать строй, сучье племя! — донеслось до нас.

Мы шагнули вперёд и плотнее налегли на передние ряды. Мы — стена. Я пытаюсь понять, что происходит, но ничего не видно. Только спину Гая, три ряда щитов, три ряда шлемов, а перед ними море людей. Не войско — именно море. Хаотичная толпа.

Первые ряды галлов рухнули под нашим натиском, словно скошенные колосья. Крики ужаса сменились предсмертными воплями, я услышал, как мечи рубят плоть, — не стук о щиты, как на тренировке, именно противный булькающий звук разрезаемой плоти. Я вытягиваюсь, чтобы что-нибудь разглядеть, и отчётливо вижу, как Тит с диким криком вонзает свой меч в живот какому-то старику.

Строй искривляется, и передо мной на секунды открывается вид на происходящее безумие.

Бесформенная орда галлов, словно загнанное стадо скота, вжимается спинами друг в друга, пятясь назад. Большинство даже не могут обнажить оружие, потому что их товарищи наваливаются на них. Но если бы было только это, среди воинов женщины, дети и старики, они мешают им сражаться. Я вижу одну в первом ряду прямо напротив меня. Её лицо искажено ужасом, глаза мечутся от страха. В отчаянии она поворачивается к нашему строю спиной в попытках протолкнуться через ряды своих, но бесполезно. Здоровенный галл в пёстрой шерстяной накидке отталкивает её в сторону, она падает — и прямо на наши мечи. Я вижу, как меч входит ей в бок, как она медленно падает в грязь под ноги сражающихся и как они топчут её. Я не могу отвести от неё взгляд, пока её тело не исчезает в грязи. Между тем галл уже сражается с Титом. Выпад, ещё один, и ещё — Тит умело принимает их щитом и, улучив удачный момент, колет галла в бедро, тот оступается на мгновение, но этого достаточно, чтобы соседний легионер нанёс удар, он падает в грязь, его ждёт та же судьба, что и ту женщину. А его место тут же занимает другой боец, молодой, совсем ещё мальчишка, с длинными светлыми волосами, с диким криком он прыгает на skutum с мечом в руках, его хрупкое тельце переваливается через щит одного из бойцов первого ряда, и тут же гладиус опускается ему на голову.

— Шаг вперёд! — кричит Фронтон сзади. — Закрывать брешь!

Мы делаем шаг, потом ещё один, и ещё, и ещё. Ряды смыкаются, я вновь ничего не вижу, кроме спин впереди, может, оно и к лучшему. Мы продолжаем продвигаться. Хлюпанье. Много хлюпанья. Это наши калиги месят грязь, смешанную с кровью. Я спотыкаюсь о тело, потом снова и снова. Перешагиваю через трупы и толкаю вперёд.

Хоть я ничего и не вижу, но от этого остальные чувства только обостряются, я вдыхаю множество запахов. Не только вонь пота и кожи, но и запах железа. Горячего железа. И ещё какой-то сладковатый тошнотворный запах, от которого першит в горле, — запах выпущенных

кишок. Ком подступает к горлу, я стараюсь дышать ртом, чтобы не вырвало. Вдох, выдох. Шаг вперёд. Толчок. На меня находит какая-то пелена, я ничего не вижу и ни о чём не думаю. Только выполняю приказы, которые эхом отдаются в моей голове.

Я прихожу в себя, когда под ногами уже песок. Песок и тела, их так много, что мы идём прямо по ним, я наступил на чью-то шею и почувствовал, как она хрустнула под калигой. От этого чувства дрожь пробежала по позвонкам.

Здоровенный детина с рыжими усищами, в шкурах, забрался на телегу и размахивал огромным топором. Он кричал на своём наречии, бесстрашно бросая вызов на поединок всем, кто осмелится сойтись с ним. Но никто и не собирался, сразу несколько пилумов влетели ему в грудь, у него даже не было щита, чтобы прикрыться, — он рухнул вниз как подкошенный.

А между тем рубка продолжается. Я слышу, как Марк и Тит кричат с каждым ударом.

Там, впереди, было месиво из тел. Наши первые ряды продолжали давить. А перед ними, вжатые в воду, в грязь, в собственные поваленные телеги, барахтались гелветы. Они сотнями ныряли в воду, бросая оружие, пытаясь уйти вплавь, многие тонули. Кое-кто пытался залезть на плоты, но те переворачивались, не выдерживая веса. Я замечаю старуху, которая тащила за руку девчущку лет десяти. Они пытались залезть в лодку, но их столкнули за борт — лодка была уже полна и отчаливала. И тут на них набежали свои и просто затоптали их. Ребёнок только и успел взвизгнуть, но его голос захлебнулся в криках тысяч других.

— Смотри вперёд, Лициний! — кричит Луций мне в ухо и бьёт меня по плечу.

И я смотрю, смотрю на спину Гая, опустив голову. Снова ничего не вижу, только слышу. А слышно — хуже, чем видно.

Резня продолжалась до самого рассвета. Красный, мутный свет окрасил реку в цвет крови. Мы уже шагали по колена, а где и по пояс в воде, топя уцелевших галлов в реке. Ледяная вода обжигала ноги, сводила мышцы, но никто не обращал на это внимания. Строй давно развалился, перемешался. Легионеры добивали раненых, хватали женщин и детей. Галлы уже не оказывали сопротивления. Множество бежало в леса, ещё больше бросилось в реку в отчаянных попытках спастись. Большинство утонуло.

Кое-кто спасся на лодках и плотках. Их видно вдаль на середине реки — крошечные, тёмные силуэты на фоне алеющего неба. На другом берегу, словно муравьи, столпились тысячи галлов. Они кричат боевые кличи, но ветер уносит их слова, превращая в невнятный гул. Злость и отчаяние клокочат в этом гуле.

Я стою в воде, тяжело дыша. Везде тела. Они лежат кучами, они плавают в воде, они навалены друг на друга. Между ними обломки плотов, тюки с тряпьем, разбитые горшки. И всё залито кровью. Она везде. Щит скользит в руке, гладиус оттягивает плечо. Я смотрю на свои руки — они чистые. Меч, который я так тщательно точил, я даже не обнажал. Но почему-то они трясутся. Я сжимаю их в кулаки, до боли, до хруста, и сую их под мышки, чтобы никто не увидел.

Холод, усталость, страх — всё смешалось в одну густую кашу. Смотрю на реку, усеянную трупами. Мужчины, женщины, старики, дети — все лежат вперемешку, словно кто-то вывалил их кучей из телеги.

Рядом со мной стоит Марк. Его лицо перепачкано грязью и кровью, глаза безумные. Он тяжело дышит, опираясь на свой скутум.

— Ну и дела, — хрипит он, вытирая меч о край тунки. — Вот это я понимаю, настоящая битва.

Тит весь в крови с головы до ног. Он смотрит на противоположный берег реки, туда, где столпились галлы. Его всего трясёт. В этом бою он убил, наверное, человек двенадцать.

— Целий где? — спрашиваю я.

Марк пожимает плечами.

— Наверное, порядок наводит, — говорит он. — Или трофеи считает.

Я оглядываюсь вокруг. Действительно, многие легионеры уже заняты мародёрством. Сдирают с трупов одежду и украшения, роются в брошенных вещах.

К нам подходит Фронтон. На его лице ни кровинки, но взгляд торжествующий.

— Лукреций! — кричит он. — Ну как? Живой?

Тит выходит из оцепенения и оборачивается.

— Кажется, да...

— Вот и славно! Ты себя хорошо показал, особенно для первого боя, прослежу, чтобы ты получил двойную пайку.

Он оборачивается ко мне.

— А с тобой что, Лициний? Давай быстрее приходи в себя, парень!

— Война... — только и могу выдать я.

— Хех, это ещё не война. Мы только показали этим разукрашенным дикарям, что такое Рим. Война будет потом. Так что запомни этот запах и привыкай, скоро ты мне понадобишься.

Я вздыхаю и киваю.

— Ладно, отдыхайте, — говорит Фронтон. — А я пойду доложу обстановку Целию.

Фронтон уходит, а я остаюсь стоять в ледяной воде, окружённый трупами и безумными взглядами легионеров. Я прихожу в себя, только когда гремят трубы, оповещающие о нашей победе.

Мы строимся, Целий осматривает наши ряды — все ли в порядке. Сам он весь в крови, гребень на его шлеме скошен набок. Когда он объявляет, что потерь в нашей центурии нет, я едва не открываю рот, мне с трудом в это верится, казалось, это была бойня, учитывая число трупов на берегу. Я невольно вспоминаю Спурия Тарпея — чем же он так насолил богам?

Организовывается сбор раненых и трофеев, вместе с рабами-лекарями мы бредём между трупами, разыскивая уцелевших. Я иду рядом с Луцием. Он молчит. Это странно — Луций всегда говорит, даже когда не надо. Сейчас он просто смотрит прямо перед собой. Мы ищем выживших. Это не простая задача. Весь берег завален трупами. Их так много, что идти приходится прямо по ним, и я стараюсь не смотреть вниз. Не получается. Под ногами мелькают лица — застывшие, с открытыми ртами, с выпученными глазами. У одного старика седая борода пропиталась кровью настолько, что стала бурой. Рядом лежит мальчик, совсем маленький, лет пяти. Он будто спит, свернувшись калачиком. Только на спине у него рана — широкая, рваная, как будто его ударили наотмашь, но он выжил, борясь со смертью, он дополз до повозки, под которой и нашёл свой конец. Я отвожу взгляд и смотрю вверх, становится тошно. Солнце уже поднялось высоко, когда нас сменяют. Десятый и Одиннадцатый легионы, почти не принимавшие участия в сражении, построили лагерь выше по течению реки и теперь идут убирать трупы с берега. Мы же, грязные, мокрые, провонявшие кровью и смертью, наконец бредём к лагерю.

Я иду, не разбирая дороги, и прихожу в себя только у нашей палатки. Наконец-то можно отдохнуть. Мы отмываемся от грязи и крови. Тит уже здесь. Он сидит на корточках и трёт лицо мокрой тряпкой. Вода в миске бурая. Он трёт и трёт, но грязь въелась в морщины, в поры, под ногти — кажется, что её не отмыть никогда. Марк, наоборот, весел. Он стаскивает с себя

тунику, разбрызгивая вокруг капли засохшей крови, и громко рассказывает, как «завалил того рыжего, что с мечом». Никто его не слушает.

Гай приносит дрова. Молча разводит огонь. Децим достаёт котёл, сыпает в него зерно, заливает водой. Мы сидим вокруг костра и ждём, когда каша сварится. Никто не говорит. Даже Марк замолкает, устав от собственного голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.